

«ШКАЛА ИДЕНТИФИКАТОРОВ ГОРОЖАН» КАК МЕТОД КАЧЕСТВЕННЫХ УРБАНИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ставится вопрос о соотношении количественных и качественных характеристик городского населения Сибири как особой социально-территориальной общности. Наиболее перспективным в этой связи представляется анализ степени его включенности в городской образ жизни. С учетом атрибутивных и сущностных характеристик последнего разработана шкала идентификаторов. Новая методика качественных урбанистических исследований апробирована на основе массовой обработки воспоминаний, собранных в результате реализации авторского проекта «Живая история: народные мемуары». Полученные модели (статистическая и информационная) позволили выделить три категории горожан, условно обозначенных как «истинные горожане», «формирующиеся горожане» и «горожане – не горожане».

Ключевые слова: история Сибири, урбанистика, городской образ жизни, идентификация горожан.

Формально горожанами принято считать всех жителей городов и поселков городского типа, хотя априори очевидно, что далеко не все жители городских населенных пунктов являются горожанами по своей сути. Получение объективного представления требует решения сложнейших вопросов: о соотношении количественных и качественных параметров городского населения, о сущностных характеристиках его как особой социально-территориальной общности, о методах идентификации и самоидентификации.

Наиболее перспективным направлением качественных исследований урбанизационных процессов представляется использование категории «образ жизни». Городская местность – не просто своеобразная форма социально-территориальной и социокультурной организации общества, некий материальный субстрат, концентрирующий экономическую (преимущественно несельскохозяйственную), политическую, культурную деятельность, но и – особый системно-пространственный процесс, формирующий специфический образ жизни.

Ценность категории «образ жизни» заключается в ее способности дать атрибу-

тивную и деятельностную характеристики социального субъекта, выделить сферы жизни и ее виды, показать, как типичные черты общества проявляются в многообразной, всегда конкретной деятельности людей, трансформируясь в повседневные практики. При этом особенно важно реконструирование устойчивых инвариантных форм жизнедеятельности. В настоящее время достигнуто принципиальное понимание, что собственное содержание и онтологическая специфика образа жизни могут быть выявлены, когда познание осуществляется в направлении от индивида к обществу (а не иначе!), когда становятся понятны конкретные механизмы действия и взаимодействия людей друг с другом и окружающими их условиями на уровне повседневности.

В осмыслении городского образа жизни наукой имеются ценные наработки, хотя единое представление до сих пор не сформировано [Борщевский и др., 1975; Виноградский, 1977; Методологические проблемы..., 1977; Проблемы социального развития..., 1981; Коган, 1990]. Преимущественно он понимается как некая антитеза сельскому образу жизни, как система типичных форм

жизнедеятельности, сформированных специфической социально-пространственной городской средой. Причем критерии этой типичности сугубо историчны. Но очевидно, что в городе, помимо отличной от традиционной сельской местности среды обитания (городских условий жизни), формируется особый склад повседневной жизни, определенный тип сознания, иная форма организации и функционирования семьи.

На теоретическом уровне проблема соотношения формальных и реальных показателей численности городского населения впервые была обозначена культурологами, заговорившими о так называемой «псевдо-городской» культуре. Принципиально прозвучал вывод о том, что «городские процессы проявляются в полной мере не во всех городах», и существенные различия фиксируются «не только при переходе от одного города к другому, от менее развитой городской среды к более развитой, но и внутри одного и того же города» [Коган, 1986. С. 8–9]. В ряде трудов указывалось на существование в городах «барачно-коммунального», «слободского», т. е. не городского по сути образа жизни [Глазычев, 1988. С. 42; Алисов, 1997].

Социологами предпринимались попытки создания конкретных программ исследования образа жизни, при этом наряду с социально-профессиональными характеристиками городского сообщества большое значение придавалось показателям социальной инфраструктуры [Куцев, 1981]. Но даже на теоретическом уровне матрица получалась слишком сложной и многомерной. В одной из наиболее проработанных моделей в качестве типологической базы выделено полтора десятка только основных социально-профессиональных групп. Помимо этого предлагалось для каждой из них учитывать такие дифференцирующие критерии, как жилищные условия, размеры доходов, уровень образования, характер культурной деятельности и т. п. [Пароль, 1982]. Реализовать на эмпирическом уровне данную программу не удалось в силу объективных причин и отсутствия необходимых входных данных.

Написанные на сибирском материале работы по городоведческой и урбанизационной тематике имеют в основном экономико-географический, социологический или справочно-демографический характер и по-

священы более раннему периоду [Алексеев, Исупов, 1986; Букин, Исаев, 2005; Воробьев, 1977; Исупов, Московский, 1984; Исупов, 1991; Куцев, 1982; Лукьяненко, 1973; Малинин, Ушаков, 1976; Население..., 1997; Перчик, 1980; Проблемы социального развития..., 1981; Урбанизация Советской Сибири, 1987].

Вопросы качественных критериев идентификации городского населения применительно к истории формирования сибирских горожан 1960-х гг. ставятся впервые в данной статье. Применительно к иным территориальным и хронологическим рамкам проблема также далека от своего решения. Поэтому создание модели городского образа жизни, без преувеличения, – сложная и актуальная проблема междисциплинарного исследования. До сих пор не определены критерии «городского» и «псевдо-городского», равно как и контуры вписанных в них сообществ; малоубедительна увязка маргинальных элементов исключительно с недавними мигрантами из села; рассуждения о наличии в городах «не горожан» остаются на уровне словесных гипотетических оценок.

Основным источником информации по населению городов являются Всесоюзные переписи населения, позволяющие получить исходные статистико-демографические данные. Переписи проводились по широкой программе, фиксируя не только численность и распределение горожан по населенным пунктам, но также их половозрастной, социальный и национальный состав, образовательный уровень, включенность в семейные структуры и пр.

За период между переписями 1959 и 1970 гг. сибирских горожан стало на 32 % больше, их численность превысила 12 млн чел. Занимая почти 60 % территории РСФСР, Сибирь концентрировала около 15 % российского городского населения [Итоги..., 1963. С. 21–23; Итоги..., 1972. С. 12–15]. Урбанистический облик всего региона, по сути, определяли 5 из 11 субъектов, в которых проживало почти $\frac{3}{4}$ горожан: Кемеровская, Иркутская и Новосибирская области, Красноярский край, Алтай. К 1970 г. в Сибири официально значился 121 город, не считая трех не обозначенных на карте засекреченных городов. К категории «крупнейших» (с населением более 500 тыс. чел.) относилось 3 города: Новосибирск, Омск, Красноярск, в которых проживала почти пя-

тая часть сибирского городского населения; еще около 37 % горожан было сосредоточено в 18 «крупных» (от 100 тыс. до 500 тыс. чел.) городах Сибири, около 7 % – в 12 «средних» (от 50 тыс. до 100 тыс. чел.), почти 17 % – в 84 «малых» (менее 50 тыс. чел.), около 16 % – в 310 поселках городского типа [Рафикова, 2013].

Однако переписи дают лишь одномоментный и далеко не полный срез показателей и не учитывают целого ряда факторов, оказывающих влияние на формирование урбанизированной среды [Рафикова, 2010]. Да и вся совокупность формальных статистико-демографических данных не способна ответить на вопрос, насколько проживавшие в городской местности люди были горожанами по своему образу жизни. Выход на этот, сравнительно новый для отечественной историографии круг проблем, настоятельно требует привлечения дополнительных источников. Определенную информацию содержат данные активно проводившихся в 1960-е гг. социологических обследований (анкетирования, бюджеты времени), способных дать сведения более детализированные, хотя и фрагментарные, зачастую нерепрезентативные. Огромный потенциал несут в себе источники личного происхождения, которые к тому же можно создавать и обрабатывать в режиме реального времени.

В данной статье излагается апробированная при написании докторской диссертации авторская методика исследования городского населения, посредством инновационного «измерения» последнего по идентификационной шкале городского образа жизни. Основываясь на анализе комплекса информации, созданного в результате исторического, демографического, экономического, геурбанистического, культурологического анализа и на собственных логических доводах, обозначим главные характеристики образа жизни горожан.

- Резкое разграничение человеческой деятельности по сферам, времени, пространству, и при этом – высокая территориальная концентрация множества разнородных ее форм, в результате чего общественные проявления в городе отличаются одновременно концентрированностью и гетерогенностью.

- Высокая мобильность: территориальная, социальная, профессиональная, образовательная. Поскольку каждый локус про-

странства насыщается разнообразными возможностями и более высоким потенциалом, то именно город предоставляет несравненно большую степень свободы в выборе образцов. Например, в 1970 г. в городе можно было выбирать максимально из 45 тыс. профессий, в то время как в деревне – лишь из 100 [Пивоваров, 1999. С. 95].

- Более комфортные по сравнению с сельскими условия проживания: благоустроенное жилье, современная бытовая техника и меблировка квартир, прочие жизненные удобства.

- Принципиально отличный бюджет времени: менее выраженная сезонность деятельности, но более явная и все более индивидуализирующаяся досуговая ее составляющая (разнообразное потребление культурных благ, проведение отпусков в зонах рекреации и пр.), которая воспринимается не как праздность, а именно как деятельность.

- Создание мощного информационного поля: развитие средств сообщения, трансляция огромного потока информации (печать, радио, телевидение), активизация общественно-политической жизни, живой интерес к событиям в мире, стране, городе.

- Изменение субъективного коммуникативного пространства. С одной стороны, в городе возрастает значимость личных качеств, все более проявляется избирательность в общении, усложняются контакты, на смену кровнородственным и близкососедским отношениям приходят иные формальные и неформальные общности. С другой же стороны, поскольку человек выходит из-под контроля общины, за пределы привычных традиций, пересечение многих кругов общения обезличивает обыденные отношения, растворяя индивида в массе малознакомых и незнакомых людей, повышает значимость самоконтроля.

- Более быстрая трансформация традиционной большой многопоколенной многодетной семьи в простую малую нуклеарную группу с небольшим числом детей и работающей матерью. Изменение собственно семейных функций за счет явного выделения и вынесения за рамки семьи внешней (производственной, экономической) и передачи в значительной степени прочих функций сфере обслуживания.

- Самоидентификация горожанина, осознание своей принадлежности к городскому

сообществу, комфортное самоощущение в условиях урбанизированной среды, формирование особой ментальности.

По сути, речь идет о способах формирования городской идентичности и системы типичных форм жизнедеятельности в рамках специфической городской среды. Безусловно, список приведенных факторов не является исчерпывающим, но представляется достаточно полным и емким в качестве основы для выработки исследовательского инструментария – шкалы идентификаторов горожан.

В этой шкале показатель мобильности предлагается рассмотреть через повышение уровня образования, квалификации и социального статуса, продвижение по службе, перемену места работы и жилищные переезды с улучшением условий проживания. К значимым материальным благам отнесены: тип жилища, его меблировка и оснащенность культурно-бытовой техникой, наличие разнообразного гардероба с модными новинками. Маркерами интеграции в городскую культуру предлагается считать насыщенную досуговую деятельность, высокую информированность об общественно-политических событиях и участие в них. Модель городской семьи рассматривается через ее тип, детность, стабильность, а также через делегирование ряда функций сфере обслуживания. В отдельный блок вопросов выделен круг общения горожан, через определение тесноты связей родственников, соседских, корпоративных.

В результате перехода от общих формулировок к формализованным признакам получилась некая матрица, которую предстояло заполнить входными данными. Дело оставалось «за малым»: нужен был источник, содержащий максимально полную информацию по внушительному списку вопросов, да еще и в динамике. Но поскольку такового в принципе не существовало, пришлось его создать [Рафикова, 2009].

Речь идет о воспоминаниях обычных людей, живших в Сибири в 1960-е гг.. Специальной обработке подверглась внушительная часть личного архива, собранного в результате пятилетней реализации проекта «Живая история: народные мемуары». Из более чем полутысячи источников было выделено 160 наиболее информативных нарративов жителей Красноярска, формализованных сначала по 207 позициям. На следующем этапе было отобрано 138 мемуаров (из дальнейшей об-

работки исключены детские воспоминания), позволяющих проследить динамические изменения за десятилетие с учетом 21 существенного фактора. Все данные, сведенные в Excel-таблицы, составили массив для статистической и информационной обработки.

Степень проявленности каждого фактора оценивалась по трем уровням: высокий, средний, низкий, с соответственным начислением баллов: 1, 2, 3. Таким образом, для каждого респондента минимально возможная сумма баллов теоретически могла равняться 21, что означало бы в наибольшей степени проявленный городской образ жизни, максимальная же сумма – 63, напротив, свидетельствовала бы о практическом отсутствии признаков одного в повседневной жизнедеятельности респондентов. Полярная ситуация не встретилась ни разу, но разбивка по шкале осуществлялась, исходя из пограничных значений, с поправкой на те факторы, которые лишены априори однозначной оценки. Например, стабильная семья и работа или тесные связи с коллегами и соседями – это не повод отказывать человеку в статусе горожанина. В результате к категории «истинных горожан» были отнесены респонденты, набравшие от 21 до 35 баллов, к «формирующимся горожанам» – от 36 до 50 баллов, к «горожанам – не горожанам» – от 51 до 63 баллов.

Уже на стадии первичной статистической обработки были получены интересные результаты. Наиболее проявленными признаками городского образа жизни оказались показатели мобильности: массовые жилищные переезды в основном в благоустроенные квартиры, быстрое изменение социального статуса, повышение квалификации и продвижение по службе, перемена места работы с улучшением условий труда и его оплаты. В разряд доминирующих маркеров попала и насыщенная досуговая деятельность. К среднепроявленным характеристикам можно отнести процесс перестройки семьи, уменьшение роли личного подсобного хозяйства, формирование нового интерьера и гардероба, что свидетельствует не только об активизации данных процессов, но и об их логической незавершенности в рамках рассматриваемого периода. А наименее проявленными чертами городского образа жизни в повседневной жизнедеятельности горожан оказались пользование сферой услуг на фоне практически полного

Распределение красноярцев по шкале идентификаторов
городского образа жизни, % к итогу

№	Фактор	Степень проявленности		
		высокая	средняя	низкая
1	Образование	38,4	38,4	23,2
2	Квалификация	49,3	34,1	16,6
3	Профессиональная мобильность	56,5	18,8	24,7
4	Социальная мобильность	67,4	31,9	0,7
5	Жилищные переезды	76,1	11,6	12,3
6	Тип жилья	67,4	15,9	16,7
7	Обстановка жилища	21,7	55,8	22,5
8	Наличие бытовой техники	25,4	63,8	10,8
9	Гардероб	29,0	63,0	8,0
10	Питание	0,7	70,3	29,0
11	Обращение к сфере услуг	5,1	31,9	63,0
12	Политическая информированность	15,9	47,8	36,2
13	Досуг	40,6	48,5	10,9
14	Личное подсобное хозяйство	39,0	49,3	13,7
15	Связь с родственниками	6,5	41,3	52,2
16	Контакты с соседями	4,3	47,1	48,6
17	Общение с коллегами	2,2	50,0	47,8
18	Детность семьи	39,1	44,9	16,0
19	Тип семьи	76,1	10,1	13,8
20	Стабильность семьи	21,0	4,4	74,6
21	Миграционный фактор	18,1	73,2	8,7

самообслуживания, а также признаки индивидуализации их поведения и общения, при сохранении явно выраженного коллективизма, причем – на различных уровнях: родственном, соседском, корпоративном (см. таблицу).

Данный расклад вполне согласуется с субъективными представлениями респондентов о городе и преимуществах жизни в нем. Основная мотивация переездов в город была связана именно с получением образования, профессии, более высокого социального статуса, благоустроенного, пусть и «казенного», жилья, высвобождением времени от хозяйственных дел для досуга.

Полученная применительно к красноярцам условная «шкала горожан» показала, что достаточно сформированный на конец рассматриваемого периода городской образ жизни был характерен лишь для 27 % жителей краевого центра.

На противоположном полюсе оказалось около 9 % тех, кто практически не вписывался в урбанизационную среду и культуру. Подавляющую же массу (почти 65 %) составили горожане, находящиеся на стадии формирования, именно они определяли лицо города, его специфическую среду.

Последующая обработка данных осуществлялась математическими методами, посредством создания информационных моделей. В качестве инструмента обработки данных использовалось несколько программ: нейроимитатор NeuroPro 0.25, нейронные сети Кохонена (Deductor Studio Academic 5.2). Дабы не перегружать статью специфической информацией описания методов компьютерной обработки нашей базы данных, сошлемся на опубликованные статьи и апробированные на конференциях результаты [Корчевская, Рафикова, 2011; Корчевская и др., 2011]. Здесь же сформулируем значимые для исследования выводы.

1. Создание информационных моделей городского образа жизни не только принципиально возможно, но и способно значительно обогатить историческую работу.

2. Реально создать такую модель чрезвычайно сложно, так как для этого необходимы богатый и разноплановый исходный материал, осуществление трудоемкой работы по его формализации, выбор эффективных программных продуктов, корректный ввод данных и интерпретация полученных результатов.

3. В конкретном случае информационная модель подтвердила высокое качество разработанной системы идентификаторов городского образа жизни и значимость всех входных параметров, позволила показать их влияние на выходные параметры и через исследование взаимосвязи установить тесноту связей всех факторов.

В результате была проведена успешная кластеризация (автоматическая классификация) респондентов, обоснована правомерность выделения трех подгрупп горожан относительно шкалы идентификаторов. Хотя информационная модель полярнее скорректировала их процентное соотношение (45,8 % – «истинные горожане», 19,7 – «формирующиеся горожане», 34,5 – «горожане – не горожане»), что можно интерпретировать через сопоставление со статистической моделью как несколько большее тяготение среднего сегмента к полюсу городских селян.

Модель предоставила возможность доказательной аргументации по принципиальным, но спорным и мало исследованным вопросам. Особый интерес представляет осмысление роли сельской миграции в формировании городской среды. Априори правомерно предположить, что наиболее адаптированы к урбанизированной среде и культуре были горожане в нескольких поколениях и рожденные в городах. Но это допущение не является аксиомой. Еще сложнее определить адаптированность к городу недавних его жителей, массово хлынувших в 1960-е гг. из сел. Далеко не всех из них городу удавалось ассимилировать, но и относить переселившихся в города сельчан «скопом» к маргинальным слоям представляется неправомерным.

Желание вырваться из деревни и закрепиться в городе являлось мощным побудительным мотивом получения среднего и высшего образования, «городской» профессии, своего жилья, что в сочетании с крестьянской хваткой и вливанием в студенческий или трудовой коллектив способствовало ускоренной адаптации. Иное дело – временные жители, приезжавшие из других регионов с целью заработать «длинный сибирский рубль» или из окрестных сел с целью получить профессию и вернуться на родину. Они составляли особую часть пришлых и, воспринимая город чаще всего как временное пристанище, в принципе не были нацелены на адаптацию. Но в целом, как показала

модель, миграционный фактор не оказывал определяющего влияния на глубину интеграции в городскую повседневность. Как ни парадоксально, но динамизм 1960-х гг. облегчал процесс интеграции в урбанизированную среду горожан в первом поколении, поскольку им приходилось, по сути, «вместе и наравне» с коренными горожанами приспособливаться к революционным переменам в повседневной жизни.

В целом учет многочисленных факторов идентификации и пробный опыт построения модели городского образа жизни позволяет утверждать, что фактическая численность городского населения была существенно меньше официальных статистических данных. Конечно, с точностью до процента определить границы условно выделенных групп городского населения невозможно, но полученные данные представляются вполне репрезентативными, хотя и отражают опережающий для своего времени результат. Во-первых, потому что характеризуют жителей одного из крупнейших региональных центров Сибири; во-вторых, построены на выборке, исключающей люмпенизированные низы.

Значительный отсев из числа горожан происходил за счет жителей малых городов, отдаленных от крупных административно-культурных центров провинциальных селений, молодых городов с сельской историей. Еще сложнее определить долю горожан в поселках городского типа, которые фактически занимают промежуточное положение между городами и селами. Интересные результаты были получены в ходе проведенных в Красноярском крае в конце 1990-х гг. обследований: 73 % жителей поселков и через 30 лет после окончания рассматриваемого периода посчитали себя сельскими жителями [Прохорчук, 2002. С. 9].

Слабость исторически сформировавшейся урбанизированной среды, отсутствие развитой сети городов и акселеративный рост имевшихся, затрудняли распространение городских стандартов жизни не только на окрестные территории, но и собственно на жителей городов. Экстраполируя результаты измерения по авторской шкале на всю совокупность городских жителей Сибирского региона, с учетом их пропорционального распределения по типам населенных пунктов, получим как минимум четверть городских жителей за рамками городского образа

жизни. Они продолжали жить вне урбанистической культуры, в сельских условиях, деревенским сознанием и трудом. Продолжение исследований в данном направлении представляется перспективным и научно значимым для создания многомерной территориально-дифференцированной и социально-стратифицированной картины реальной жизни людей.

Список литературы и источников

Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.

Алисов Д. А. Урбанизация и культура // Городская культура Сибири: история и современность: Сб. науч. тр. Омск, 1997. С. 1–15.

Борщевский М. В., Успенский С. В., Шкартан О. И. Город: методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. М.: Наука, 1975. 204 с.

Букин С. С., Исаев В. И. Урбанизация Сибири в XX веке: закономерности и особенности // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 140–167.

Виноградский В. Г. Городской образ жизни при социализме (Методологические проблемы). Саратов: Изд-во СГУ, 1977. 71 с.

Воробьев В. В. Население Восточной Сибири. Современная динамика и вопросы прогнозирования. Новосибирск: Наука, 1977. 160 с.

Глазычев В. Л. От сельской культуры к урбанизации // Культура в советском обществе. М., 1988. С. 36–46.

Исаев В. И. Проблемы изучения истории становления индустриально-урбанистического общества в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2010. № 1. С. 17–20.

Исупов В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 1930-х – конец 1950-х гг.). Новосибирск: Наука, 1991. 291 с.

Исупов В. А., Московский А. С. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука, 1984. 167 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. 455 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1972. Т. 1. 175 с.

Коган Л. Б. Урбанизация и городские процессы: сущность и задачи исследования // Социологические исследования проблем города и жилища. 1970–1980 гг. Новосибирск, 1986. С. 5–18.

Коган Л. Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990. 205 с.

Корчевская О. В., Рафикова С. А. Исследование идентификаторов городского образа жизни красноярцев 60-х годов с помощью нейронных сетей с учителем // IX Всерос. конф. по теоретическим основам проектирования и разработки распределенных информационных систем (ПРИС-2011) (Красноярск, 10 июня 2011 г.). Красноярск, 2011. С. 58–60.

Корчевская О. В., Рафикова С. А., Сельвенис Д. В., Пригодин О. В. Идентификация городского образа жизни красноярцев с помощью самоорганизующихся карт Кохонена // Прогрессивные технологии создания и использования цифровых образовательных ресурсов: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Красноярск, 26 декабря 2011 г.). Красноярск, 2011. С. 104–110.

Куцев Г. Ф. Новые города (Социологический очерк на материалах Сибири). М.: Мысль, 1982. 269 с.

Куцев Г. Ф. Формирование социальной инфраструктуры нового города // Проблемы развития новых городов в автономном районе освоения. Красноярск, 1981. С. 3–21.

Лукьяненко В. И. Города, рожденные волей партии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 300 с.

Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. М.: Статистика, 1976. 163 с.

Методологические проблемы изучения социалистического образа жизни. Красноярск: КрасГУ, 1977. 146 с.

Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 172 с.

Пароль В. И. Социалистический город: урбанизационный процесс и образ жизни горожан. Таллин: Валгус, 1982. Ч. 1. 171 с.

Перцик Е. Н. Город в Сибири: проблемы, опыт, поиск решений. М.: Мысль, 1980. 286 с.

Проблемы социального развития новых городов в автономном районе освоения. Красноярск: КрасГУ, 1981. 183 с.

Пивоваров Ю. Л. Основы георбанистики: урбанизация и городские системы.

Учеб. пособие для вузов. М.: ВЛАДОС, 1999. 231 с.

Прохорчук М. В. Поселки городского типа: проблемы и пути развития (на примере Красноярского края): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Красноярск, 2002. 22 с.

Рафикова С. А. Народные мемуары как источник по истории советской повседневности // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2009. № 2. С. 74–78.

Рафикова С. А. Проблема идентификации горожан Красноярского края в 1960-е годы // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе:

подходы, исследования, результаты: Материалы межрегион. науч. конф. Новосибирск, 2010. С. 205–214.

Рафикова С. А. Сибирские горожане шестидесятых: социодемографический портрет // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы урбанизации и индустриализации: Материалы межрегион. науч. конф. Новосибирск, 2013. С. 318–330.

Урбанизация Советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.

Материал поступил в редколлегию 12.09.2013

S. A. Rafikova

**«THE SCALE OF THE IDENTIFIERS OF TOWNSPEOPLE»
AS THE METHOD OF QUALITATIVE URBANISTIC STUDIES**

In the article is raised the question about the relationship of the quantitative and qualitative characteristics of the urban population of Siberia as special social and territorial generality. The analysis of the degree of its inclusion into the urban means of life is most promising in this connection. The scale of identifiers is developed taking into account the attributive and essential characteristics of the latter. The new procedure of qualitative urbanistic studies is approved on the basis of the mass working of the recollections, assembled as a result of the realization of author's project «The living history: people memoirs». The obtained models (statistical and information) made it possible to isolate three categories of townspeople, conditionally designated as «true townspeople», «forming townspeople» and «townspeople – not townspeople».

Keywords: history of Siberia, urbanistika, the urban means of life, the identification of townspeople.